

Проводив оставшихся гостей, Чжан Чэнфу с женой ловко и быстро прибрали лоток и сразу поспешили в деревню Люцунь. В это время только-только миновал полдень, и деревенские старухи да тетушки, которым было нечем заняться, собрались у большой акации у входа в деревню и болтали о домашних делах. Увидев, как супруги въезжают на ослиной повозке, все разом бросили на них пытливые взгляды. Ведь Чжан Чэнфу и Чжан Чуньлай с первого взгляда были людьми из уездного города: одеты хорошо, да еще и на ослиной повозке приехали; сразу видно, что дома у них условия неплохие.

Кому-то стало любопытно, кто они такие, и начали гадать: не приехали ли это городские родственники к чьей-нибудь семье? А кто-то предположил: может, в какой-то семье деревни сватают дочь, и эти люди приехали посмотреть невесту?

На какое-то время те, у кого дома были дочери, одна за другой стали завидовать той самой «девушке, которую сватают»: вот уж хорошая судьба, это ж она сейчас замуж в уездный город выйдет.

Все вытянули шеи и жадно смотрели на супругов Чжан, собираясь разглядеть, к какому же дому они направятся, но, прождав до боли в глазах, увидели, как их ослиная повозка остановилась перед воротами дома Гу.

Дом Гу!!!

Глаза у всех разом расширились. В доме Гу теперь ведь остался один Гу Дао. Неужели это городские родственники Гу Дао?

Любопытство в сердцах у всех чесалось нестерпимо, но по-настоящему подслушивать у стены они не осмеливались. Боялись, что если Гу Дао обнаружит, он снова начнет бесчинствовать и воровать у них кур. Поэтому несколько человек могли лишь прикрываться разговором и потихоньку двигаться к воротам дома Гу.

Едва они добрались до подножия стены, как услышали изнутри несколько раскатистых смешков.

— Брат Гу, ты даже не представляешь, как хорошо сегодня шла торговля. Те две большие чашки подливки только выставили, а люди уже пришли заказывать. Стоило начать продавать, и остановиться уже было невозможно, к полудню всё распродалось.

— Да уж, сегодня я от одного только вымешивания теста вымотался до невозможности, — Чжан Чэнфу покрутил ноющее запястье; слова его звучали как жалоба, но любой человек мог услышать радость в его голосе - ясно было, что он тоже счастлив до крайности.

— Брат Гу, как я посмотрю, дело с подливками можно вот так и закрепить. Мы хотим брать немного больше. Как насчет двадцати пяти порций каждой подливки?

Конечно, это было можно, но Гу Дао всё же напомнил:

— Сейчас погода хоть и не жаркая, но подливка вкуснее всего, когда ее жарят в тот же день. Если вдруг не распродадите и оставите до следующего дня, использовать уже будет нельзя.

Чжан Чуньлай не ожидала, что Гу Дао тревожится об этом, и тут же хлопнула себя по груди, заверяя:

— Брат Гу, об этом можешь не беспокоиться, точно всё продадим. Даже если что-то останется, мы с твоим братом Чжаном ни за что не станем продавать это на следующий день. Такие бессовестные дела мы не делаем.

Чжан Чэнфу рядом энергично закивал, разве что не поднял руку к небу, чтобы поклясться перед Гу Дао.

Увидев это, Гу Дао успокоился.

— Хорошо, тогда завтра я приготовлю по двадцать пять порций. Приходите забирать всё в то же время.

— Отлично.

С этими словами Чжан Чуньлай достала из-за пазухи связку медяков и протянула ему. Гу Дао опустил взгляд и испугался: в этой связке медяков было никак не меньше двухсот вэней. Это значит, она отдала ему всю плату за завтрашние подливки.

— Невестка, ты это...

Он еще не успел договорить, как Чжан Чуньлай перебила его:

— Брат Гу, невестка тоже видит, что ты человек честный. В будущем не будем больше давать никаких задатков: сколько закажем, столько и заплатим. И ты с невесткой не препирайся. Невестка знает, что тебе нужны деньги.

Чжан Чуньлай тоже краем уха услышала в полдень от Лю Хэ: оказалось, у Гу Дао дома еще был больной супруг. Каково это, когда в доме есть больной, она хорошо знала. Когда ее свекор в свое время был нездоров, деньги из дома утекали как вода. Если бы за эти годы они не накопили немного благодаря лотку, таких расходов и правда было бы не выдержать.

К тому же она уже решила, что в будущем будет брать подливки у Гу Дао, и тоже хотела заранее оставить у него доброе впечатление.

Гу Дао частично разгадал мысли Чжан Чуньлай, но в душе всё равно был тронут. Какая бы цель ни была у супругов Чжан, то, что они готовы доверять ему и помочь ему, согревало сердце Гу Дао.

— Хорошо. Раз невестка мне доверяет, тогда я приму. Но даже родные братья должны ясно считать счета, так что если в будущем с подливками возникнет какая-то проблема, невестка, обязательно говори мне прямо, не церемонься со мной.

Чжан Чуньлай весело улыбнулась:

— Разве с подливками брата Гу может быть какая-то проблема? Я еще нахвалиться не успеваю.

Они еще немного поболтали о домашних делах, и только потом супруги Чжан с неохотой ушли из дома Гу.

Как только люди ушли, Гу Дао радостно взял деньги и вошел во внутреннюю комнату. В комнате Цзин Яо уже давно ясно расслышал всё, что происходило снаружи. Видя, что подливки Гу Дао продаются хорошо, он ничуть не удивился; напротив, на его лице было выражение, будто так и должно быть, и даже настроение вслед за этим стало немного радостнее.

— Сяо Яо, смотри.

Гу Дао вошел в комнату и достал только что заработанную связку медяков, показывая Цзин Яо. Он и сам не ожидал, что на подливках можно заработать столько, почти как на приготовлении пира. Цзин Яо, глядя на эту связку медяков, тоже обрадовался и сразу похвалил его парой фраз, но затем всё же не удержался, и в нем снова разыгралась страсть к притворству.

— Жаль только, что тело у меня слабое, я ничем не могу помочь мужу, еще и тяну мужа назад.

Гу Дао не мог выносить, когда тот так говорил о себе.

— Сяо Яо говорит глупости. Ты вовсе не тянешь меня назад. В следующий раз, когда пойду в уездный город, куплю тебе новый наряд. Сяо Яо наденет его и точно будет красивым.

Гу Дао в мыслях представил, как Цзин Яо будет выглядеть в новой одежде, и его щеки невольно покраснели.

Цзин Яо чуть приподнял брови, не ожидая, что Гу Дао предложит сначала купить одежду ему. От новой одежды он, конечно, отказываться не собирался, но вслух сказал другое:

— Мне не надо, купи себе, муж. Я весь день дома, мне всё равно, что носить.

Гу Дао опустил взгляд на старую одежду Цзин Яо. Она осталась от прежнего владельца тела и уже давно выстиралась до белизны. Цзин Яо был немного выше него, плечи у него тоже были шире, и в этой одежде он выглядел несколько несуразно. Но даже на такой неподходящий наряд Цзин Яо ни разу не пожаловался. Теперь, когда им с трудом удалось немного заработать, он, наоборот, думал о Гу Дао.

В душе Гу Дао был тронут, и рука, державшая Цзин Яо за плечо, чуть сжалась.

— Мне ничего не нужно. Купим Сяо Яо.

— Муж так добр ко мне.

Щеки Гу Дао слегка покраснели, и он тихо угукнул.

Они еще какое-то время нежно побыли вместе, и только потом Гу Дао, взяв деньги, вышел из дома, собираясь снова купить куриных потрохов. На этот раз ему нужно было взять побольше и медленно томить их в горшке: только так приготовленные потроха будут по-настоящему ароматными.

С корзиной за спиной он пошел наружу и, едва дойдя до входа в деревню, увидел, что супруги Чжан, которые вроде бы уже давно уехали, сидят под большим деревом у деревенского входа и болтают с людьми. Неизвестно, до чего они договорились, но оба смеялись так, что лица собрались морщинками.

Увидев, что Гу Дао вышел, Чжан Чуньлай поспешно закрыла рот, повернулась и взволнованно помахала ему рукой.

— Брат Гу, ты почему вышел?

Затем она заметила корзину за спиной Гу Дао.

— Собираешься в город? Я тебя подвезу.

Раз есть повозка, конечно, не было причин идти пешком; Гу Дао поспешно кивнул, соглашаясь, и в два-три движения забрался на ослиную повозку Чжан Чуньлай.

В дороге Гу Дао спросил их:

— Почему только сейчас уезжаете?

Чжан Чуньлай улыбнулась, не решившись сказать, что, услышав несколько лестных слов от

тетушек, она не удержалась, язык у нее развязался, и она рассказала, что торгует лапшой в уездном городе, а Гу Дао поставляет ей подливки. И еще особенно расхвалила, как хорошо у них идут дела и как популярны подливки Гу Дао.

Боясь, что Гу Дао сочтет ее болтливой, она неловко рассмеялась и стала отшучиваться:

— Тетушки в вашей деревне такие приветливые, вот я и не удержалась, поговорила с ними немного подольше. Я ведь тоже давно не возвращалась в деревню.

Приветливые?

Простите уж, но Гу Дао никак не мог связать это слово с теми несколькими тетками у входа в деревню. Хотя Гу Дао и не знал, как звали тех тетушек, но ни разу не видел от них ни одного доброго взгляда. Каждый раз, завидев его, они встречали его нахмуренными бровями и холодными лицами. А еще в их взглядах всегда таилась скрытая настороженность, словно Гу Дао в следующее мгновение собирался что-то у них украсть.

Гу Дао ясно понимал, что всё это были долги, оставленные прежним владельцем тела, но в душе ему всё равно было немного неприятно. Впрочем, рассказывать об этом Чжан Чуньлай он не собирался, поэтому пропустил эту тему и повернул разговор к другому.

Когда несколько человек на ослиной повозке, покачиваясь, выехали на большую дорогу у входа в деревню и их фигуры постепенно скрылись из виду, у входа в Люцунь тут же поднялся настоящий шум. Несколько старух, которые часто сидели у деревенского входа, были старыми людьми деревни и больше всего презирали молодых, которые не стремились к лучшему, поэтому в обычные дни сильнее всего им был неприятен именно Гу Дао. Но только что они услышали от той пары, что Гу Дао не только берет в деревне заказы на пиры, но еще и начал вести дела с людьми из уездного города. Он поставляет им какие-то подливки и за день может заработать свыше сотни вэней.

А что такое свыше сотни вэней? Даже самые способные молодые парни в их деревне, чтобы продать товар, еще до рассвета спешат в уездный город и только когда совсем стемнеет возвращаются с коромыслом на плечах и за день зарабатывают примерно столько же.

Этот Гу Дао - откуда у него такие способности?

Впрочем, несколько старух, подумав, решили: с поварским мастерством Гу Дао такое и правда было не исключено. К тому же та молодая пара сказала, что сейчас дела у лотка идут превосходно, а дальше они будут зарабатывать только больше и больше. Тогда Гу Дао...

Несколько старух покачали головами и уже не осмелились додумывать дальше. Одна за другой они нашли предлог распрощаться, собираясь вернуться домой и хорошенько обсудить это со своими домашними. В будущем, пожалуй, относиться к Гу Дао так же, как прежде, уже нельзя будет.

Вскоре, при помощи старух у входа в деревню, новость о том, что Гу Дао за день может зарабатывать свыше сотни взней, словно на ногах, сама разошлась по деревне. Кое-кто еще уверенно говорил, что Гу Дао вот-вот станет, как его отец, и вернется в уездный город открывать закусочную.

Когда Гу Дао вернулся в деревню, он обнаружил, что отношение деревенских к нему... стало пылким до невозможности. Раньше они либо едва обращали на него внимание, либо вовсе обходили стороной. А теперь... знакомые и незнакомые - стоило им только увидеть его издали, как они тут же расплывались в улыбке, весело здоровались с ним и ласково называли его Сяо Дао.

Гу Дао был совершенно озадачен, но из вежливости всё же дружелюбно отвечал. В итоге, пока он дошел до дома, лицо у него почти застыло от улыбок.

Вернувшись, Гу Дао даже не успел снять корзину со спины и сразу направился в комнату Цзин Яо.

— Посмотри, как тебе эта одежда?

Гу Дао осторожно достал из свертка перед собой водянисто-зеленый наряд. Хотя орхидеи на манжетах были вышиты немного грубовато, ткань оказалась очень хорошей.

Цзин Яо, увидев его, в душе обрадовался и тут же накинул на себя, показывая Гу Дао.

— Ну как?

— Красиво. И правда очень идет Сяо Яо.

Этот наряд Гу Дао заметил с первого же взгляда, как только вошел в лавку. Хотя цена была немного высокой, стоило ему представить, как Цзин Яо будет выглядеть в нем, и Гу Дао всё же, стиснув сердце, купил. Теперь он только чувствовал, что точно не ошибся с выбором: Цзин Яо и правда понравилось, а уж как он выглядел в этом наряде... тоже было чрезвычайно красиво.

Он оттенял и без того светлую кожу Цзин Яо, делая ее похожей на нефрит.

— Муж так добр ко мне. Эта одежда, наверное, была недешевой?

— Нет, недорогая, совсем недорогая. Главное, чтобы Сяо Яо нравилось.

Раз уж так, Цзин Яо без всякой вежливости принял подарок.

Выйдя из комнаты Цзин Яо, Гу Дао вычистил купленные куриные потроха и отправил их в пряный соус. Затем он снова пошел к тете Лю и купил немного свежих овощей, чтобы подготовиться к завтрашней жарке овощной подливки. Когда всё было сделано, небо уже потемнело. Гу Дао просто прибрался и вернулся в комнату отдыхать.

На второй день, едва небо начало сереть, Гу Дао уже поднялся с постели. Всего пятьдесят порций подливки жарить было, в общем-то, нетрудно, но предварительная подготовка овощей отнимала время. Чтобы успеть приготовить все подливки до приезда Чжан Чэнфу, Гу Дао пришлось встать еще раньше. К счастью, он всё-таки успел. Проводив супругов Чжан, он увидел, что небо только полностью рассвело. Подумав, что еще рано, Гу Дао просто вернулся и решил немного доспать, но не ожидал, что этот сон затянется аж до позднего утра.

Проснувшись, он увидел, что Цзин Яо сидит у его кровати, держа в руках половинку вутуо, и смотрит на него с нескрываемой обидой.

— Муж, ты проснулся.

Сказав это, он посмотрел на холодный и твердый вутуо в своих руках, словно боялся, что Гу Дао его не заметит. Гу Дао невольно умиленно рассмеялся про себя, но следом почувствовал себя немного виноватым.

— Прости, я поздно встал. Почему ты меня не позвал?

Цзин Яо хотел сказать: «Как это не позвал? Я так звал, что горло почти охрипло, а ты совсем не реагировал». Он даже чуть было не захотел одним пинком столкнуть Гу Дао с кровати, чтобы тот немедленно шел готовить ему еду. Но, глядя на тонкое, рваное одеяло Гу Дао, из которого уже торчала вата, на шаткую деревянную кровать и на окно, через которое продувал ветер, он всё же не смог решиться на такую жестокость.

Деньги на новую одежду для него нашлись, а почему тот не подумал купить себе новое одеяло?

В Цзин Яо, что случалось редко, поднялось немного чувства вины, и в итоге он молча пошел на кухню, взял сухой вутуо и стал его грызть.

(ПП: вутуо - паровая булочка из кукурузной/зерновой муки в форме пирамидки, обычно бедная, простая еда)